

«Хорошо, когда вовремя бросят спасательный круг»

Игорь Арбузов — один из тех, кто делает Московское телевидение таким привлекательным. Зрители помнят его как ведущего передач «Добрый вечер, Москва», «Час префекта». Началась перестройка. Зарождалось Российское телевидение в рамках «Останкино». И, конечно, создание новых студий, таких, как «Публицист», «Содружество», не могло не коснуться деятельной натуры Арбузова. А натура его не только деятельная, но и романтическая. Игорь Арбузов — поэт. И всегда им был.

И когда жил на острове Сахалин в поселке «Пограничное» и учился в школе, а затем в военно-артиллерийском училище в Хабаровске. И даже будучи офицером десантных войск. После демобилизации Арбузов оканчивает Литературный институт. Печатаются в сборниках молодых поэтов Сахалина, в журналах «Поззия», «Юность», «Огонек». Выходит книга его стихов «Зерно». Потом — годы работы на радио в Южно-Сахалинске и Москве, приобщение к телевидению. Московский канал — особая привязанность Арбузова. Игорь Семенович его программный директор. В назначенный час он встретил меня в своем кабинете.

— Игорь Семенович, в нашей рубрике «В эфире и после...» мы рассказываем читателям о тех, кто делает для нас телепередачи. Читателям «Вечерки» было бы интересно побольше узнать о вас и о вашей работе.

— Ну о работе говорить скучно. Как у вас рубрика называется? «В эфире и после»?

— Именно так. Поэтому не хотите о работе, расскажите, чем вы заняты «после эфира».

— Купили мы с женой избушку-развалюшку в Рязанской области. От Москвы далеко. Пока доедешь — полдня потеряешь. Пытаемся привести в нормальное состояние этот «дом», но пока плохо получается. Хоть продавай. Правда, люблю на грядках покопаться. А если под руку попадают нож или топор, я тут же молниеносно бросаю их в дерево. Чем повергаю жену в полный восторг.

— Так это от отчаяния, что ремонт дома трудно идет, или перед женой хвастаетесь?

— Ни то и ни другое. Старая привычка — еще от службы в десантных войсках осталась. Как-то мы отдыхали с супругой на Волге. Вечером на берегу реки сидим у костра и разделяем рыбу большим ножом. А рядом молодые ребята забавляются — ножи в цель кидают и пренебрежительно в нашу сторону поглядывают. Кровь у меня взыграла. Подошел я к ним и быстро метнул мой рыбный нож в самое дальнее дерево. Угодил точно в цель. Жена потом рассказала, что эти юноши интересовались, где я работаю. Она ответила, что в телерадиокомитете. Они не поверили: «Ага, знаем, в каком комитете»...

— Не впервой, наверное, молодежь «воспитывать»?

— Было дело. В десантных войсках командовал взводом. Каждый десантник должен сделать 37 прыжков с парашютом. А у меня был такой солдат — Гвоздев. Ну никак не мог я его заставить прыгнуть. То он за пять минут до вылета самолета отпрашивался в туалет и не возвращался, то еще где-то прятался, и его найти не могли. И вот однажды я и мой помощник взяли Гвоздева с двух сторон под руки, довели до самолета. Кое-как затащили его в салон АН-2 и посадили между собой. Гвоздев был ни жив, ни мертв. В воздухе он потел от страха, дрожал, но деваться ему было некуда. Наконец мы просто выпихнули его из самолета. С тех пор Гвоздев сделал много прыжков и с улыбкой вспоминал первый.

— А вам было страшно во время первого прыжка?

— Конечно, но мой первый самый страшный в жизни «прыжок» был не с парашютом. Окончив школу, я и двое моих друзей решили подработать. Махнули в Томск, где пристроились в экспедицию. Надо было сделать топографическую съемку глухого участка тайги.

Нас троих забросили туда на вертолете жарким летом. Оставили работать. Мы довольно быстро выполнили задание. Стали ждать, когда заберут обратно. Кругом на сотни километров тайга, дикие звери. Лето кончилось, осень наступила, уже и снег пошел. Жили мы в палатке, голодали. Началась цынга. О нас просто забыли. Вот тогда и стало страшно. Вспомнили только к концу октября. Забрали. Привезли в больницу. Еле выходили.

— И часто приходилось «выживать»? И вообще, вы в жизни «по воле волн» плывете или с «бурями» боретесь?

— Ну про бури вы к месту вспомнили. Я ведь не только бывший десантник, но и дальневосточный моряк.

— Так вы и на флоте успели послужить?

— А на Дальнем Востоке, если есть здоровье, ты — моряк. Нет — лесоруб. А я даже в центре Глаз-циклона побывал.

— А что же это такое — Глаз-циклон?

— Это гиблое место. И в него попадают только очень бездарный или неопытный моряк. А капитан нашего судна был новичок, не уловил момент. Вот и попали мы в самое пекло. Корабль начала закручивать непонятно откуда свалившаяся на нас волна. Все смешалось. Я держался за руль. Руки в крови. Судно то увлеклось вверх черным смерчем, то обрушивалось вниз, закручиваясь в водоворот. Спас штурман. Опытный моряк. Каким-то чудом, под волной, развернув корабль, он вывел его из этого ада. Обычно из таких передрыг живыми не возвращаются, но нам повезло. А вообще на море люди настоящие. Если что, всегда помогут.

Как-то пошел провожать приятеля в рейс. Посидели. Простились. Выхожу на веселе. И вдруг, не дойдя до трапа, падаю за борт. Ночь, вокруг льдинки плавают. Барахтаюсь в воде. Ногу уже свело. Ну все, думаю, утону в бухте Золотой Рог «и никто не узнает, где могила моя». Неожиданно подходит небольшой дежурный катер, и мужик, сплывнув через губу, попрыкивая папиросой, ехидно спрашивает: «Ну чё, пала, тонешь?», — бросает мне спасательный круг.

Вот я и думаю, как хорошо, если рядом окажется кто-то, кто вовремя бросит спасательный круг.

Это было сказано таким уверенным тоном, что я поняла: Игорь Семенович и есть тот самый человек, который спасет и поможет в трудную минуту.

Беседовала Е. ХОЛМОГорова.